

Приятного чтения!

Кошмар Английский И Русский Параллельные Тексты

Антон Павлович Чехов

Чехов Антон Павлович. Кошмар

The Bishop and other stories, by Anton Chekhov	Антон Чехов
A Nightmare	Кошмар
Kunin, a young man of thirty, who was a permanent member of the Rural Board, on returning from Petersburg to his district, Borisovo, immediately sent a mounted messenger to Sinkino, for the priest there, Father Yakov Smirnov.	Непременный член по крестьянским делам присутствия Кунин, молодой человек, лет тридцати, вернувшись из Петербурга в свое Борисово, послал первым делом верхового в Синьково за тамошним священником, отцом Яковом Смирновым.
Five hours later Father Yakov appeared.	Часов через пять отец Яков явился.
"Very glad to make your acquaintance," said Kunin, meeting him in the entry.	- Очень рад познакомиться! - встретил его в передней Кунин.
"I've been living and serving here for a year; it seems as though we ought to have been acquainted before.	- Уж год, как живу и служу здесь, пора бы, кажется, быть знакомыми.
You are very welcome!	Милости просим!
But . . . how young you are!" Kunin added in surprise.	Но, однако... какой вы молодой! - удивился Кунин.
"What is your age?"	- Сколько вам лет?
"Twenty-eight, . . ." said Father Yakov, faintly pressing Kunin's outstretched hand, and for some reason turning crimson.	- Двадцать восемь-с... - проговорил отец Яков, слабо пожимая протянутую руку и, неизвестно отчего, краснея.
Kunin led his visitor into his study and began looking at him more attentively.	Кунин ввел гостя к себе в кабинет и принялся его рассматривать.
"What an uncouth womanish face!" he thought.	"Какое аляповатое, бабье лицо!" - подумал он.
There certainly was a good deal that was womanish in Father Yakov's face: the turned-up nose, the bright red cheeks, and the large grey-blue eyes with scanty, scarcely perceptible eyebrows.	Действительно, в лице отца Якова было очень много "бабьего": вздернутый нос, ярко-красные щеки и большие серо-голубые глаза с жидкими, едва заметными бровями.
His long reddish hair, smooth and dry, hung down in straight tails on to his shoulders.	Длинные рыжие волосы, сухие и гладкие, спускались на плечи прямыми палками.
The hair on his upper lip was only just beginning to form into a real masculine moustache, while his little beard belonged to that class of good-for-nothing beards which among divinity students are for some reason called "ticklers." It was scanty and extremely transparent; it could not have been stroked or combed, it could only have been pinched. . . .	Усы еще только начинали формироваться в настоящие, мужские усы, а бородка принадлежала к тому сорту куда не годных бород, который у семинаристов почему-то называется "скоктанием": реденькая, сильно просвечивающая; погладить и почесать ее гребнем нельзя, можно разве только пощипать...
All these scanty decorations were put on unevenly in tufts, as though Father Yakov, thinking to dress up as a priest and beginning to gum on the beard, had been interrupted halfway through.	Вся эта скудная растительность сидела неравномерно, кустиками, словно отец Яков, вздумав загримироваться священником и начав приклеивать бороду, был прерван на половине дела.
He had on a cassock, the colour of weak coffee with chicory in it, with big patches on both elbows.	На нем была ряска, цвета жидкого цикорного кофе, с большими латками на обоих локтях.
"A queer type," thought Kunin, looking at his muddy skirts.	"Странный субъект... - подумал Кунин, глядя на его полы, обрызганные грязью.

"Comes to the house for the first time and can't dress decently.	- Приходит в дом первый раз и не может поприличней одеться".
--	--

"Sit down, Father," he began more carelessly than cordially, as he moved an easy-chair to the table.	- Садитесь, батюшка, - начал он более развязно, чем приветливо, придвигая к столу кресло.
"Sit down, I beg you."	- Садитесь же, прошу вас!
Father Yakov coughed into his fist, sank awkwardly on to the edge of the chair, and laid his open hands on his knees.	Отец Яков кашлянул в кулак, неловко опустился на край кресла и положил ладони на колени.
With his short figure, his narrow chest, his red and perspiring face, he made from the first moment a most unpleasant impression on Kunin.	Малорослый, узкогрудый, с потом и краской на лице, он на первых же порах произвел на Кунина самое неприятное впечатление.
The latter could never have imagined that there were such undignified and pitiful-looking priests in Russia; and in Father Yakov's attitude, in the way he held his hands on his knees and sat on the very edge of his chair, he saw a lack of dignity and even a shade of servility.	Ранее Кунин никак не мог думать, что на Руси есть такие несолидные и жалкие на вид священники, а в позе отца Якова, в этом держании ладоней на коленях и в сидении на краешке, ему виделось отсутствие достоинства и даже подхалимство.
"I have invited you on business, Father" Kunin began, sinking back in his low chair.	- Я, батюшка, пригласил вас по делу... - начал Кунин, откидываясь на спинку кресла.
"It has fallen to my lot to perform the agreeable duty of helping you in one of your useful undertakings. . . ."	- На мою долю выпала приятная обязанность помочь вам в одном вашем полезном предприятии...
On coming back from Petersburg, I found on my table a letter from the Marshal of Nobility.	Дело в том, что, вернувшись из Петербурга, я нашел у себя на столе письмо от предводителя.
Yegor Dmitrevitch suggests that I should take under my supervision the church parish school which is being opened in Sinkino.	Егор Дмитриевич предлагает мне взять под свое попечительство церковно-приходскую школу, которая открывается у вас в Синькове.
I shall be very glad to, Father, with all my heart. . . . More than that, I accept the proposition with enthusiasm."	Я, батюшка, очень рад, всей душой... Даже больше: я с восторгом принимаю это предложение!
Kunin got up and walked about the study.	Кунин поднялся и заходил по кабинету.
"Of course, both Yegor Dmitrevitch and probably you, too, are aware that I have not great funds at my disposal.	- Конечно, и Егору Дмитриевичу и, вероятно, вам известно, что большими средствами я не располагаю.
My estate is mortgaged, and I live exclusively on my salary as the permanent member.	Имение мое заложено, и живу я исключительно только на жалованье неперменного члена.
So that you cannot reckon on very much assistance, but I will do all that is in my power. . . ."	Стало быть, на большую помощь вы рассчитывать не можете, но что в моих силах, то я всё сделаю...
And when are you thinking of opening the school Father?"	А когда, батюшка, думаете открыть школу?
"When we have the money, . . ." answered Father Yakov.	- Когда будут деньги... - ответил отец Яков.
"You have some funds at your disposal already?"	- Теперь же вы располагаете какими-нибудь средствами?
"Scarcely any. . . ."	- Почти никакими-с...

The peasants settled at their meeting that they would pay, every man of them, thirty kopecks a year; but that's only a promise, you know!	Мужики постановили на сходе платить ежегодно по тридцати копеек с каждой мужской души, но ведь это только обещание!
And for the first beginning we should need at least two hundred roubles"	А на первое обзаведение нужно, по крайней мере, рублей двести...
"M'yes. . . ."	- М-да...
Unhappily, I have not that sum now," said Kunin with a sigh.	К сожалению, у меня теперь нет этой суммы... - вздохнул Кунин.
"I spent all I had on my tour and got into debt, too.	- В поездке я весь истратился и... задолжал даже.
Let us try and think of some plan together."	Давайте общими силами придумаем что-нибудь.
Kunin began planning aloud.	Кунин стал вслух придумывать.
He explained his views and watched Father Yakov's face, seeking signs of agreement or approval in it.	Он высказывал свои соображения и следил за лицом отца Якова, ища на нем одобрения или согласия.
But the face was apathetic and immobile, and expressed nothing but constrained shyness and uneasiness.	Но лицо это было бесстрастно, неподвижно и ничего не выражало, кроме застенчивой

	робости и беспокойства.
Looking at it, one might have supposed that Kunin was talking of matters so abstruse that Father Yakov did not understand and only listened from good manners, and was at the same time afraid of being detected in his failure to understand.	Глядя на него, можно было подумать, что Кунин говорил о таких мудреных вещах, которых отец Яков не понимал, слушал только из деликатности и притом боялся, чтобы его не уличили в непонимании.
"The fellow is not one of the brightest, that's evident . . ."	"Малый, как видно, не из очень умных... - думал Кунин.
"He's rather shy and much too stupid."	- Не в меру робок и глуповат".
Father Yakov revived somewhat and even smiled only when the footman came into the study bringing in two glasses of tea on a tray and a cake-basket full of biscuits.	Несколько оживился и даже улыбнулся отец Яков только тогда, когда в кабинет вошел лакей и внес на подносе два стакана чаю и сухарницу с крендельками.
He took his glass and began drinking at once.	Он взял свой стакан и тотчас же принялся пить.
"Shouldn't we write at once to the bishop?" Kunin went on, meditating aloud.	- Не написать ли нам преосвященному? - продолжал соображать вслух Кунин.
"To be precise, you know, it is not we, not the Zemstvo, but the higher ecclesiastical authorities, who have raised the question of the church parish schools.	- Ведь, собственно говоря, не земство, не мы, а высшие духовные власти подняли вопрос о церковно-приходских школах.
They ought really to apportion the funds.	Они должны, по-настоящему, и средства указать.
I remember I read that a sum of money had been set aside for the purpose.	Мне помнится, я читал, что на этот счет даже была ассигнована сумма какая-то.
Do you know nothing about it?"	Вам ничего не известно?
Father Yakov was so absorbed in drinking tea that he did not answer this question at once.	Отец Яков так погрузился в чаепитие, что не сразу ответил на этот вопрос.

He lifted his grey-blue eyes to Kunin, thought a moment, and as though recalling his question, he shook his head in the negative.	Он поднял на Кунина свои серо-голубые глаза, подумал и, точно вспомнив его вопрос, отрицательно мотнул головой.
An expression of pleasure and of the most ordinary prosaic appetite overspread his face from ear to ear.	По некрасивому лицу его от уха до уха разливалось выражение удовольствия и самого обыденного, прозаического аппетита.
He drank and smacked his lips over every gulp.	Он пил и смаковал каждый глоток.
When he had drunk it to the very last drop, he put his glass on the table, then took his glass back again, looked at the bottom of it, then put it back again.	Выпив всё до последней капли, он поставил свой стакан на стол, потом взял назад этот стакан, оглядел его дно и опять поставил.
The expression of pleasure faded from his face. . . .	Выражение удовольствия сползло с лица...
Then Kunin saw his visitor take a biscuit from the cake-basket, nibble a little bit off it, then turn it over in his hand and hurriedly stick it in his pocket.	Далее Кунин видел, как его гость взял из сухарницы один кренделек, откусил от него кусочек, потом повертел в руках и быстро сунул его себе в карман.
"Well, that's not at all clerical!" thought Kunin, shrugging his shoulders contemptuously.	"Ну, уж это совсем не по-иерейски! - подумал Кунин, брезгливо пожимая плечами.
"What is it, priestly greed or childishness?"	- Что это, поповская жадность или ребячество?"
After giving his visitor another glass of tea and seeing him to the entry, Kunin lay down on the sofa and abandoned himself to the unpleasant feeling induced in him by the visit of Father Yakov.	Дав гостю выпить еще один стакан чаю и проводив его до передней, Кунин лег на софу и весь отдался неприятному чувству, навеянному на него посещением отца Якова.
"What a strange wild creature!" he thought.	"Какой странный, дикий человек! - думал он.
"Dirty, untidy, coarse, stupid, and probably he drinks.	- Грязен, неряха, груб, глуп и, наверное, пьяница...
My God, and that's a priest, a spiritual father!	Боже мой, и это священник, духовный отец!
That's a teacher of the people!	Это учитель народа!
I can fancy the irony there must be in the deacon's face when before every mass he booms out:	Воображаю, сколько иронии должно быть в голосе дьякона, возглашающего ему перед каждой обедней:
"Thy blessing, Reverend Father!" A fine reverend Father! A reverend Father without a grain of dignity or breeding, hiding biscuits in his pocket like a schoolboy. . . . Fie!	"Благослови, владыко!" Хорош владыко! Владыко, не имеющий ни капли достоинства, невоспитанный, прячущий сухари в карманы, как школьник... Фи!

Good Lord, where were the bishop's eyes when he ordained a man like that?	Господи, в каком месте были глаза у архиерея, когда он посвящал этого человека?
What can he think of the people if he gives them a teacher like that?	За кого они народ считают, если дают ему таких учителей?
One wants people here who . . ."	Тут нужны люди, которые..."
And Kunin thought what Russian priests ought to be like.	И Кунин задумался о том, кого должны изображать из себя русские священники...
"If I were a priest, for instance. . . ."	"Будь, например, я попом..."
An educated priest fond of his work might do a great deal. . . .	Образованный и любящий свое дело поп много может сделать...

I should have had the school opened long ago.	У меня давно бы уже была открыта школа.
And the sermons?	А проповедь?
If the priest is sincere and is inspired by love for his work, what wonderful rousing sermons he might give!"	Если поп искренен и вдохновлен любовью к своему делу, то какие чудные, зажигательные проповеди он может говорить!"
Kunin shut his eyes and began mentally composing a sermon.	Кунин закрыл глаза и стал мысленно слагать проповедь.
A little later he sat down to the table and rapidly began writing.	Немного погодя он сидел за столом и быстро записывал.
"I'll give it to that red-haired fellow, let him read it in church, . . ." he thought.	"Дам тому рыжему, пусть прочтет в церкви..." -думал он.
The following Sunday Kunin drove over to Sinkino in the morning to settle the question of the school, and while he was there to make acquaintance with the church of which he was a parishioner.	В ближайшее воскресенье, утром, Кунин ехал в Синьково покончить с вопросом о школе и кстати познакомиться с церковью, прихожанином которой он считался.
In spite of the awful state of the roads, it was a glorious morning.	Несмотря на распутицу, утро было великолепное.
The sun was shining brightly and cleaving with its rays the layers of white snow still lingering here and there.	Солнце ярко светило и резало своими лучами кое-где белевшие пласты залежавшегося снега.
The snow as it took leave of the earth glittered with such diamonds that it hurt the eyes to look, while the young winter corn was hastily thrusting up its green beside it.	Снег на прощанье с землей переливал такими алмазами, что больно было глядеть, а около него спешила зеленеть молодая озимь.
The rooks floated with dignity over the fields.	Грачи солидно носились над землей.
A rook would fly, drop to earth, and give several hops before standing firmly on its feet	Летит грач, опустится к земле и, прежде чем стать прочно на ноги, несколько раз подпрыгнет...
The wooden church up to which Kunin drove was old and grey; the columns of the porch had once been painted white, but the colour had now completely peeled off, and they looked like two ungainly shafts.	Деревянная церковь, к которой подъехал Кунин, была ветха и сера; колонки у паперти, когда-то выкрашенные в белую краску, теперь совершенно облупились и походили на две некрасивые оглобли.
The ikon over the door looked like a dark smudged blur.	Образ над дверью глядел сплошным темным пятном.
But its poverty touched and softened Kunin.	Но эта бедность тронула и умилила Кунина.
Modestly dropping his eyes, he went into the church and stood by the door.	Скромно опустив глаза, он вошел в церковь и остановился у двери.
The service had only just begun.	Служба еще только началась.
An old sacristan, bent into a bow, was reading the "Hours" in a hollow indistinct tenor.	Старый, в дугу согнувшийся дьячок глухим, неразборчивым тенором читал часы.
Father Yakov, who conducted the service without a deacon, was walking about the church, burning incense.	Отец Яков, служивший без дьякона, ходил по церкви и кадил.

Had it not been for the softened mood in which Kunin found himself on entering the poverty-stricken church, he certainly would have smiled at the sight of Father Yakov.	Если б не смирение, каким проникся Кунин, входя в нищую церковь, то при виде отца Якова он непременно бы улыбнулся.
The short priest was wearing a crumpled and extremely long robe of some shabby yellow material; the hem of the robe trailed on the	На малорослом иерее была помятая и длинная-предлинная риза из какой-то потертой желтой материи.

ground.	Нижний край ризы волочился по земле.
The church was not full.	Церковь была не полна.
Looking at the parishioners, Kunin was struck at the first glance by one strange circumstance: he saw nothing but old people and children. . . .	Кунина, при взгляде на прихожан, поразило на первых порах одно странное обстоятельство: он увидел только стариков и детей...
Where were the men of working age?	Где же рабочий возраст?
Where was the youth and manhood?	Где юность и мужество?
But after he had stood there a little and looked more attentively at the aged-looking faces, Kunin saw that he had mistaken young people for old.	Но, постояв немного и взглядевшись попристальней в старческие лица, Кунин увидел, что молодых он принял за старых.
He did not, however, attach any significance to this little optical illusion.	Впрочем, этому маленькому оптическому обману он не придавал особого значения.
The church was as cold and grey inside as outside.	Внутри церковь была так же ветха и сера, как и снаружи.
There was not one spot on the ikons nor on the dark brown walls which was not begrimed and defaced by time.	На иконостасе и на бурых стенах не было ни одного местечка, которого бы не закоптило и не исцарапало время.
There were many windows, but the general effect of colour was grey, and so it was twilight in the church.	Окон было много, но общий колорит казался серым, и поэтому в церкви стояли сумерки.
"Anyone pure in soul can pray here very well," thought Kunin.	"Кто чист душою, тому хорошо здесь молиться... -думал Кунин.
"Just as in St. Peter's in Rome one is impressed by grandeur, here one is touched by the lowliness and simplicity."	- Как в Риме у св. Петра поражает величие, так здесь трогают эти смирение и простота".
But his devout mood vanished like smoke as soon as Father Yakov went up to the altar and began mass.	Но молитвенное настроение его рассеялось в дым, когда отец Яков вошел в алтарь и начал обедню.
Being still young and having come straight from the seminary bench to the priesthood, Father Yakov had not yet formed a set manner of celebrating the service.	По молодости лет, попав в священники прямо с семинарской скамьи, отец Яков не успел еще усвоить себе определенную манеру служить.
As he read he seemed to be vacillating between a high tenor and a thin bass; he bowed clumsily, walked quickly, and opened and shut the gates abruptly. . . .	Читая, он как будто выбирал, на каком голосе ему остановиться, на высоком теноре или жидком баске; кланялся он неумело, ходил быстро, царские врата открывал и закрывал порывисто...
The old sacristan, evidently deaf and ailing, did not hear the prayers very distinctly, and this very often led to slight misunderstandings.	Старый дьячок, очевидно больной и глухой, плохо слышал его возгласы, отчего не обходилось без маленьких недоразумений.

Before Father Yakov had time to finish what he had to say, the sacristan began chanting his response, or else long after Father Yakov had finished the old man would be straining his ears, listening in the direction of the altar and saying nothing till his skirt was pulled.	Не успеет отец Яков прочесть, что нужно, а уж дьячок поет свое, или же отец Яков давно уже кончил, а старик тянется ухом в сторону алтаря, прислушивается и молчит, пока его не дернут за полу.
The old man had a sickly hollow voice and an asthmatic quavering lisp. . . .	У старика был глухой, болезненный голос, с одышкой, дрожащий и шепелявый...
The complete lack of dignity and decorum was emphasized by a very small boy who seconded the sacristan and whose head was hardly visible over the railing of the choir.	В довершение неблаголепия, дьячку подтягивал очень маленький мальчик, голова которого едва виднелась из-за перилы клироса.
The boy sang in a shrill falsetto and seemed to be trying to avoid singing in tune.	Мальчик пел высоким визгливым дискантом и словно старался не попадать в тон.
Kunin stayed a little while, listened and went out for a smoke.	Кунин постоял немного, послушал и вышел покурить.
He was disappointed, and looked at the grey church almost with dislike.	Он был уже разочарован и почти с неприязнью глядел на серую церковь.
"They complain of the decline of religious feeling among the people . . ." he sighed.	- Жалуются на падение в народе религиозного чувства... - вздохнул он.
"I should rather think so!	- Еще бы!
They'd better foist a few more priests like this one on them!"	Они бы еще больше понасажали сюда таких попов!

Kunin went back into the church three times, and each time he felt a great temptation to get out into the open air again.	Раза три потом входил Кунин в церковь, и всякий раз его сильно потягивало вон на свежий воздух.
Waiting till the end of the mass, he went to Father Yakov's.	Дождавшись конца обедни, он отправился к отцу Якову.
The priest's house did not differ outwardly from the peasants' huts, but the thatch lay more smoothly on the roof and there were little white curtains in the windows.	Дом священника снаружи ничем не отличался от крестьянских изб, только солома на крыше лежала ровнее да на окнах белели занавесочки.
Father Yakov led Kunin into a light little room with a clay floor and walls covered with cheap paper; in spite of some painful efforts towards luxury in the way of photographs in frames and a clock with a pair of scissors hanging on the wall the furnishing of the room impressed him by its scantiness.	Отец Яков ввел Кунина в маленькую светлую комнату с глиняным полом и со стенами, оклеенными дешевыми обоями; несмотря на кое-какие потуги к роскоши, вроде фотографий в рамках да часов с прицепленными к гире ножницами, обстановка поражала своею скудостью.
Looking at the furniture, one might have supposed that Father Yakov had gone from house to house and collected it in bits; in one place they had given him a round three-legged table, in another a stool, in a third a chair with a back bent violently backwards; in a fourth a chair with an upright back, but the seat smashed in; while in a fifth they had been liberal and given him a semblance of a sofa with a flat back and a lattice-work seat.	Глядя на мебель, можно было подумать, что отец Яков ходил по дворам и собирал ее по частям: в одном месте дали ему круглый стол на трех ногах, в другом - табурет, в третьем - стул с сильно загнутой назад спинкой, в четвертом - стул с прямой спинкой, но с вдавленным сиденьем, а в пятом - расщедрились и дали какое-то подобие дивана с плоской спинкой и с решетчатым сиденьем.

This semblance had been painted dark red and smelt strongly of paint.	Это подобие было выкрашено в темно-красный цвет и сильно пахло краской.
Kunin meant at first to sit down on one of the chairs, but on second thoughts he sat down on the stool.	Кунин сначала хотел сесть на один из стульев, но подумал и сел на табурет.
"This is the first time you have been to our church?" asked Father Yakov, hanging his hat on a huge misshapen nail.	- Вы это первый раз в нашем храме? - спросил отец Яков, вешая свою шляпу на большой уродливый гвоздик.
"Yes it is.	- Да, в первый.
I tell you what, Father, before we begin on business, will you give me some tea? My soul is parched."	Вот что, батюшка... Прежде чем мы приступим к делу, угостите меня чаем, а то у меня вся душа высохла.
Father Yakov blinked, gasped, and went behind the partition wall.	Отец Яков заморгал глазами, крякнул и пошел за перегородку.
There was a sound of whispering.	Послышалось шушуканье...
"With his wife, I suppose," thought Kunin; "it would be interesting to see what the red-headed fellow's wife is like."	"Должно быть, с попадье... - подумал Кунин. - Интересно бы поглядеть, какая у этого рыжего попадьи..."
A little later Father Yakov came back, red and perspiring and with an effort to smile, sat down on the edge of the sofa.	Немного погодя отец Яков вышел из-за перегородки красный, потный и, слиясь улыбнуться, сел против Кунина на край дивана.
"They will heat the samovar directly," he said, without looking at his visitor.	- Сейчас поставят самовар, - сказал он, не глядя на своего гостя.
"My goodness, they have not heated the samovar yet!" Kunin thought with horror.	"Боже мой, они еще самовара не ставили! - ужаснулся про себя Кунин.
"A nice time we shall have to wait."	- Изволь теперь ждать!"
"I have brought you," he said, "the rough draft of the letter I have written to the bishop."	- Я вам привез, - сказал он, - черновое письмо, которое я написал архиерею.
I'll read it after tea; perhaps you may find something to add"	Прочту после чая... Может быть, вы найдете что-нибудь добавить...
"Very well."	- Хорошо-с.
A silence followed.	Наступило молчание.
Father Yakov threw furtive glances at the partition wall, smoothed his hair, and blew his nose.	Отец Яков пугливо покосился на перегородку, поправил волосы и высморкался.
"It's wonderful weather, . . ." he said.	- Погода чудесная-с... - сказал он.
"Yes.	- Да.
I read an interesting thing yesterday. . . . the Volsky Zemstvo have decided to give their schools to the	Между прочим, интересную я вещь прочел вчера...

clergy, that's typical."	
Kunin got up, and pacing up and down the clay floor, began to give expression to his reflections.	Вольское земство постановило передать все свои школы духовенству.

"That would be all right," he said, "if only the clergy were equal to their high calling and recognized their tasks.	Это характерно. Кунин поднялся, зашагал по глиняному полу и начал высказывать свои соображения. - Это ничего, - говорил он, - лишь бы только духовенство стояло на высоте своего призвания и ясно сознавало свои задачи.
I am so unfortunate as to know priests whose standard of culture and whose moral qualities make them hardly fit to be army secretaries, much less priests.	К моему несчастью, я знаю священников, которые, по своему развитию и нравственным качествам, не годятся в военные писаря, а не то что в священники.
You will agree that a bad teacher does far less harm than a bad priest."	А вы согласитесь, плохой учитель принесет школе гораздо меньше вреда, чем плохой священник.
Kunin glanced at Father Yakov; he was sitting bent up, thinking intently about something and apparently not listening to his visitor.	Кунин взглянул на отца Якова. Тот сидел согнувшись, о чем-то усердно думал и, по-видимому, не слушал гостя.
"Yasha, come here!" a woman's voice called from behind the partition.	- Яша, поди-ка сюда! - слышался женский голос из-за перегородки.
Father Yakov started and went out.	Отец Яков встрепенулся и пошел за перегородку.
Again a whispering began.	Опять началось шушуканье.
Kunin felt a pang of longing for tea.	Кунина защемила тоска по чаю.
"No; it's no use my waiting for tea here," he thought, looking at his watch.	"Нет, не дождусь я тут чаю! - подумал он, глядя на часы.
"Besides I fancy I am not altogether a welcome visitor.	- Да кажется, тут я не совсем желанный гость.
My host has not deigned to say one word to me; he simply sits and blinks."	Хозяин не соблаговолил со мной и одного слова сказать, а только сидит да глазами хлопает".
Kunin took up his hat, waited for Father Yakov to return, and said good-bye to him.	Кунин взял за шляпу, дождался отца Якова и простился с ним.
"I have simply wasted the morning," he thought wrathfully on the way home.	"Даром только утро пропало! - злился он дорогой.
"The blockhead!	- Бревно!
The dummy!	Пень!
He cares no more about the school than I about last year's snow. . . .	Школой он так же интересуется, как я прошлогодним снегом.
No, I shall never get anything done with him!	Нет, не сварю я с ним каши!
We are bound to fail!	Ничего у нас с ним не выйдет!
If the Marshal knew what the priest here was like, he wouldn't be in such a hurry to talk about a school.	Если бы предводитель знал, какой здесь поп, то не спешил бы хлопотать о школе.
We ought first to try and get a decent priest, and then think about the school."	Надо сперва о хорошем попе позаботиться, а потом уж о школе!"
By now Kunin almost hated Father Yakov.	Кунин теперь почти ненавидел отца Якова.

The man, his pitiful, grotesque figure in the long crumpled robe, his womanish face, his manner of officiating, his way of life and his formal restrained respectfulness, wounded the tiny relic of religious feeling which was stored away in a warm corner of Kunin's heart together with his nurse's other fairy tales.	Этот человек, его жалкая, карикатурная фигура, в длинной, помятой ризе, его бабье лицо, манера служить, образ жизни и канцелярская, застенчивая почтительность оскорбляли тот небольшой кусочек религиозного чувства, который оставался еще в груди Кунина и тихо теплился наряду с другими нянюшкиными сказками.
The coldness and lack of attention with which Father Yakov had met Kunin's warm and sincere interest in what was the priest's own work was hard for the former's vanity to endure	А холодность и невнимание, с которыми он встретил искреннее, горячее участие Кунина в его же собственном деле, было трудно вынести самолюбию...
On the evening of the same day Kunin spent a long time walking about his rooms and thinking. Then he sat down to the table resolutely and wrote a letter	Вечером того же дня Кунин долго ходил по комнатам и думал, потом решительно сел за стол и написал архиерею письмо.

to the bishop.	
After asking for money and a blessing for the school, he set forth genuinely, like a son, his opinion of the priest at Sinkino.	Попросив денег для школы и благословения, он, между прочим, искренно, по-сыновьи, изложил свое мнение о синьковском священнике.
"He is young," he wrote, "insufficiently educated, leads, I fancy, an intemperate life, and altogether fails to satisfy the ideals which the Russian people have in the course of centuries formed of what a pastor should be."	"Он молод, - написал он, - недостаточно развит, кажется, ведет нетрезвую жизнь и вообще не удовлетворяет тем требованиям, которые веками сложились у русского народа по отношению к его пастырям".
After writing this letter Kunin heaved a deep sigh, and went to bed with the consciousness that he had done a good deed.	Написав это письмо, Кунин легко вздохнул и лег спать с сознанием, что он сделал доброе дело.
On Monday morning, while he was still in bed, he was informed that Father Yakov had arrived.	В понедельник утром, когда он еще лежал в постели, ему доложили о приходе отца Якова.
He did not want to get up, and instructed the servant to say he was not at home.	Вставать ему не хотелось, и он велел сказать, что его нет дома.
On Tuesday he went away to a sitting of the Board, and when he returned on Saturday he was told by the servants that Father Yakov had called every day in his absence.	Во вторник уехал он на съезд и, вернувшись в субботу, узнал от прислуги, что без него ежедневно приходил отец Яков.
"He liked my biscuits, it seems," he thought.	"Как, однако, ему мои крендельки понравились!" - подумал Кунин.
Towards evening on Sunday Father Yakov arrived.	В воскресенье, перед вечером, пришел отец Яков.
This time not only his skirts, but even his hat, was bespattered with mud.	На этот раз не только полы, но даже и шляпа его была обрызгана грязью.
Just as on his first visit, he was hot and perspiring, and sat down on the edge of his chair as he had done then.	Как и в первое свое посещение, он был красен и потен, сел, как и тогда, на краешек кресла.
Kunin determined not to talk about the school-not to cast pearls.	Кунин порешил не начинать разговора о школе, не метать бисера.
"I have brought you a list of books for the school, Pavel Mihailovitch, . . ." Father Yakov began.	- Я вам, Павел Михайлович, список учебных пособий принес... - начал отец Яков.

"Thank you."	- Благодарю.
But everything showed that Father Yakov had come for something else besides the list.	Но по всему видно было, что отец Яков не из-за списка пришел.
His whole figure was expressive of extreme embarrassment, and at the same time there was a look of determination upon his face, as on the face of a man suddenly inspired by an idea.	Вся его фигура выражала сильное смущение, но в то же время на лице была написана решимость, как у человека, внезапно озаренного идеей.
He struggled to say something important, absolutely necessary, and strove to overcome his timidity.	Он порывался сказать что-то важное, крайне нужное и силился теперь побороть свою робость.
"Why is he dumb?"	"Что же он молчит? - злился Кунин.
Kunin thought wrathfully. "He's settled himself comfortably!"	- Расселся тут!
"I haven't time to be bothered with him."	Мне ведь некогда возиться с ним!"
To smoothe over the awkwardness of his silence and to conceal the struggle going on within him, the priest began to smile constrainedly, and this slow smile, wrung out on his red perspiring face, and out of keeping with the fixed look in his grey-blue eyes, made Kunin turn away.	Чтобы хоть чем-нибудь сгладить неловкость своего молчания и скрыть борьбу, происходившую в нем, священник начал принужденно улыбаться, и эта улыбка, долгая, вымученная сквозь пот и краску лица, не вязавшаяся с неподвижным взглядом серо-голубых глаз, заставила Кунина отвернуться.
He felt moved to repulsion.	Ему стало противно.
"Excuse me, Father, I have to go out," he said.	- Извините, батюшка, мне нужно ехать... - сказал он.
Father Yakov started like a man asleep who has been struck a blow, and, still smiling, began in his confusion wrapping round him the skirts of his cassock.	Отец Яков встрепенулся, как сонный человек, которого ударили, и, не переставая улыбаться, начал в смущении запахивать полы своей рясы.
In spite of his repulsion for the man, Kunin felt suddenly sorry for him, and he wanted to soften his cruelty.	При всем отвращении к этому человеку Кунину вдруг стало жаль его, и он захотел смягчить свою жестокость.

"Please come another time, Father," he said, "and before we part I want to ask you a favour.	- Прошу, батюшка, в другой раз... - сказал он, - а на прощанье у меня к вам будет просьба...
I was somehow inspired to write two sermons the other day. . . .	Тут как-то я вдохновился, знаете, и написал две проповеди...
I will give them to you to look at.	Отдаю на ваше рассмотрение...
If they are suitable, use them."	Коли сгодятся, прочтите.
"Very good," said Father Yakov, laying his open hand on Kunin's sermons which were lying on the table.	- Хорошо-с... - сказал отец Яков, покрывая ладонью лежавшие на столе проповеди Кунина.
"I will take them."	- Я возьму-с...
After standing a little, hesitating and still wrapping his cassock round him, he suddenly gave up the effort to smile and lifted his head resolutely.	Постояв немного, помявшись и всё еще запахивая ряску, он вдруг перестал принужденно улыбаться и решительно поднял голову.
"Pavel Mihailovitch," he said, evidently trying to speak loudly and distinctly.	- Павел Михайлович, - сказал он, видимо стараясь говорить громко и явственно.

"What can I do for you?"	- Что прикажете?
"I have heard that you . . . er . . . have dismissed your secretary, and . . . and are looking for a new one"	- Я слышал, что вы изволили тово... рассчитать своего писаря и... и ищете теперь нового...
"Yes, I am. . . .	- Да_
Why, have you someone to recommend?"	А вы имеете порекомендовать кого-нибудь?
"I . . . er . . . you see . . . I . . .	- Я, видите ли... я...
Could you not give the post to me?"	Не можете ли вы отдать эту должность... мне?
"Why, are you giving up the Church?" said Kunin in amazement.	- Да разве вы бросаете священство? - изумился Кунин.
"No, no," Father Yakov brought out quickly, for some reason turning pale and trembling all over.	- Нет, нет, - быстро проговорил отец Яков, почему-то бледнея и дрожа всем телом.
"God forbid!	- Боже меня сохрани!
If you feel doubtful, then never mind, never mind.	Ежели сомневаетесь, то не нужно, не нужно.
You see, I could do the work between whiles, . . so as to increase my income. . . .	Я ведь это как бы между делом... чтоб дивиденды свои увеличить...
Never mind, don't disturb yourself!"	Не нужно, не беспокойтесь!
"H'm! . . . your income. . . .	- Гм... дивиденды...
But you know, I only pay my secretary twenty roubles a month."	Но ведь я плачу писарю только двадцать рублей в месяц!
"Good heavens! I would take ten," whispered Father Yakov, looking about him.	- Господи, да я и десять взял бы! - прошептал отец Яков, оглядываясь.
"Ten would be enough!	- И десяти довольно!
You . . . you are astonished, and everyone is astonished.	Вы... вы изумляетесь, и все изумляются.
The greedy priest, the grasping priest, what does he do with his money?	Жадный поп, алчный, куда он деньги деваает?
I feel myself I am greedy, . . . and I blame myself, I condemn myself. . . . I am ashamed to look people in the face. . . .	Я и сам это чувствую, что жадный... и казню себя, осуждаю... людям в глаза глядеть совестно...
I tell you on my conscience, Pavel Mihailovitch. . . . I call the God of truth to witness"	Вам, Павел Михайлович, я по совести... привожу истинного бога в свидетели...
Father Yakov took breath and went on:	Отец Яков перевел дух и продолжал:
"On the way here I prepared a regular confession to make you, but . . . I've forgotten it all; I cannot find a word now.	- Приготовил я вам дорогой целую исповедь, но... всё забыл, не подберу теперь слов.
I get a hundred and fifty roubles a year from my parish, and everyone wonders what I do with the money. . . .	Я получаю в год с прихода сто пятьдесят рублей, и все... удивляются, куда я эти деньги деваю...
But I'll explain it all truly. . . .	Но я вам всё по совести объясню...
I pay forty roubles a year to the clerical school for my brother Pyotr.	Сорок рублей в год я за брата Петра в духовное училище взношу.

He has everything found there, except that I have to provide pens and paper."	Он там на всем готовом, но бумага и перья мои...
---	--

"Oh, I believe you; I believe you!	- Ах, верю, верю!
But what's the object of all this?" said Kunin, with a wave of the hand, feeling terribly oppressed by this outburst of confidence on the part of his visitor, and not knowing how to get away from the tearful gleam in his eyes.	Ну, к чему всё это? - замахал рукой Кунин, чувствуя страшную тяжесть от этой откровенности гостя и не зная, куда деваться от слезливого блеска его глаз.
"Then I have not yet paid up all that I owe to the consistory for my place here.	- Потом-с, я еще в консисторию за место свое не всё еще выплатил.
They charged me two hundred roubles for the living, and I was to pay ten roubles a month. . . .	За место с меня двести рублей положили, чтоб я по десяти в месяц выплачивал...
You can judge what is left!	Судите же теперь, что остается?
And, besides, I must allow Father Avraamy at least three roubles a month."	А ведь, кроме того, я должен выдавать отцу Авраамии, по крайней мере, хоть по три рубля в месяц!
"What Father Avraamy?"	- Какому отцу Авраамии?
"Father Avraamy who was priest at Sinkino before I came.	- Отцу Авраамии, что до меня в Синькове священником был.
He was deprived of the living on account of . . . his failing, but you know, he is still living at Sinkino!	Его лишили места за... слабость, а ведь он в Синькове и теперь живет!
He has nowhere to go.	Куда ему деваться?
There is no one to keep him.	Кто его кормить станет?
Though he is old, he must have a corner, and food and clothing-I can't let him go begging on the roads in his position!	Хоть он и стар, но ведь ему и угол, и хлеба, и одежду надо! Не могу я допустить, чтоб он, при своем сане, пошел милостыню просить!
It would be on my conscience if anything happened!	Мне ведь грех будет, ежели что!
It would be my fault!	Мне грех!
He is . . . in debt all round; but, you see, I am to blame for not paying for him."	Он... всем задолжал, а ведь мне грех, что я за него не плачу.
Father Yakov started up from his seat and, looking frantically at the floor, strode up and down the room.	Отец Яков рванулся с места и, безумно глядя на пол, зашагал из угла в угол.
"My God, my God!" he muttered, raising his hands and dropping them again.	- Боже мой! Боже мой! - забормотал он, то поднимая руки, то опуская.
"Lord, save us and have mercy upon us!	- Спаси нас, господи, и помилуй!
Why did you take such a calling on yourself if you have so little faith and no strength?	И зачем было такой сан на себя принимать, ежели ты малover и сил у тебя нет?
There is no end to my despair!	Нет конца моему отчаянию!
Save me, Queen of Heaven!"	Спаси, царица небесная.
"Calm yourself, Father," said Kunin.	- Успокойтесь, батюшка! - сказал Кунин.
"I am worn out with hunger, Pavel Mihailovitch," Father Yakov went on.	- Замучил голод, Павел Михайлович! - продолжал отец Яков.

"Generously forgive me, but I am at the end of my strength	- Извините великодушно, но нет уже сил моих...
I know if I were to beg and to bow down, everyone would help, but . . . I cannot!	Я знаю, попроси я, поклонись, и всякий поможет, но... не могу!
I am ashamed.	Совестно мне!
How can I beg of the peasants?	Как я стану у мужиков просить?
You are on the Board here, so you know. . . .	Вы служите тут и сами видите...
How can one beg of a beggar?	Какая рука подымется просить у нищего?
And to beg of richer people, of landowners, I cannot!	А просить у кого побогаче, у помещиков, не могу!
I have pride!	Гордость!
I am ashamed!"	Совестно!
Father Yakov waved his hand, and nervously scratched his head with both hands.	Отец Яков махнул рукой и нервно зачесал обеими руками голову.
"I am ashamed!	- Совестно!
My God, I am ashamed!	Боже, как совестно!
I am proud and can't bear people to see my poverty!	Не могу, гордец, чтоб люди мою бедность видели!
When you visited me, Pavel Mihailovitch, I had no tea in the house!	Когда вы меня посетили, то ведь чаю вовсе не было, Павел Михайлович!

There wasn't a pinch of it, and you know it was pride prevented me from telling you!	Ни соринки его не было, а ведь открыться перед вами гордость помешала!
I am ashamed of my clothes, of these patches here. . . . I am ashamed of my vestments, of being hungry. . .	Стыжусь своей одежды, вот этих латок... риз своих стыжусь, голода...
And is it seemly for a priest to be proud?"	А прилична ли гордость священнику?
Father Yakov stood still in the middle of the study, and, as though he did not notice Kunin's presence, began reasoning with himself.	Отец Яков остановился посреди кабинета и, словно не замечая присутствия Кунина, стал рассуждать с самим собой.
"Well, supposing I endure hunger and disgrace-but, my God, I have a wife!	- Ну, положим, я снесу и голод, и срам, но ведь у меня, господи, еще попадья есть!
I took her from a good home!	Ведь я ее из хорошего дома взял!
She is not used to hard work; she is soft; she is used to tea and white bread and sheets on her bed. . . .	Она белоручка и нежная, привыкла и к чаю, и к белой булке, и к простыням...
At home she used to play the piano. . . .	Она у родителей на фортепьянах играла...
She is young, not twenty yet. . . .	Молодая, еще и двадцати лет нет...
She would like, to be sure, to be smart, to have fun, go out to see people. . . .	Хочется небось и нарядиться, и пошалить, и в гости съездить...
And she is worse off with me than any cook; she is ashamed to show herself in the street.	А она у меня... хуже кухарки всякой, стыдно на улицу показать.
My God, my God!	Боже мой, боже мой!

Her only treat is when I bring an apple or some biscuit from a visit"	Только и утешения у нее, что принесу из гостей яблочек или какой кренделечек...
Father Yakov scratched his head again with both hands.	Отец Яков опять обеими руками зачесал голову.
"And it makes us feel not love but pity for each other.	- И выходит у нас не любовь, а жалость...
I cannot look at her without compassion!	Не могу видеть ее без сострадания!
And the things that happen in this life, O Lord!	И что оно такое, господи, делается на свете.
Such things that people would not believe them if they saw them in the newspaper	Такое делается, что если в газеты написать, то не поверят люди...
And when will there be an end to it all!"	И когда всему этому конец будет!
"Hush, Father!" Kunin almost shouted, frightened at his tone.	- Полноте, батюшка! - почти крикнул Кунин, пугаясь его тона.
"Why take such a gloomy view of life?"	- Зачем так мрачно смотреть на жизнь?
"Generously forgive me, Pavel Mihailovitch ..." muttered Father Yakov as though he were drunk,	- Извините великодушно, Павел Михайлович... - забормотал отец Яков, как пьяный.
"Forgive me, all this . . . doesn't matter, and don't take any notice of it. . . .	- Извините, всё это... пустое, и вы не обращайтесь внимания...
Only I do blame myself, and always shall blame myself . . . always."	А только я себя виню и буду винить... Буду!
Father Yakov looked about him and began whispering:	Отец Яков оглянулся и зашептал:
"One morning early I was going from Sinkino to Lutchkovo; I saw a woman standing on the river bank, doing something. . . .	- Как-то рано утром иду я из Синькова в Лучково; гляжу, а на берегу стоит какая-то женщина и что-то делает...
I went up close and could not believe my eyes. . . .	Подхожу ближе и глазам своим не верю...
It was horrible!	Ужас!
The wife of the doctor, Ivan Sergeitch, was sitting there washing her linen. . . .	Сидит жена доктора, Ивана Сергеевича, и белье полощет...
A doctor's wife, brought up at a select boarding-school!	Докторша, институт кончила!
She had got up you see, early and gone half a mile from the village that people should not see her. . . .	Значит, чтоб люди не видели, норовила пораньше встать и за версту от деревни уйти...
She couldn't get over her pride!	Неодолимая гордость!
When she saw that I was near her and noticed her poverty, she turned red all over. . . .	Как увидела, что я около нее и бедность ее заметил, покраснела вся...
I was flustered-I was frightened, and ran up to help her, but she hid her linen from me; she was afraid I should see her ragged chemises"	Я оторопел, испугался, подбежал к ней, хочу помочь ей, а она белье от меня прячет, боится, чтоб я ее рваных сорочек не увидел...
"All this is positively incredible," said Kunin, sitting down and looking almost with horror at Father Yakov's	- Всё это как-то даже невероятно... - сказал Кунин, садясь и почти с ужасом глядя на бледное

pale face.

лицо отца Якова.

"Incredible it is! It's a thing that has never been!	- Именно, невероятно!
Pavel Mihailovitch, that a doctor's wife should be rinsing the linen in the river!	Никогда, Павел Михайлович, этого не было, чтоб докторши на реке белье полоскали!
Such a thing does not happen in any country!	Ни в каких странах этого нет!
As her pastor and spiritual father, I ought not to allow it, but what can I do? What?	Мне бы, как пастырю и отцу духовному, не допускать бы ее до этого, но что я могу сделать? Что?
Why, I am always trying to get treated by her husband for nothing myself!	Сам же еще норовлю у ее мужа даром лечиться!
It is true that, as you say, it is all incredible!	Верно вы изволили определить, что всё это невероятно!
One can hardly believe one's eyes.	Глазам не верится!
During Mass, you know, when I look out from the altar and see my congregation, Avraamy starving, and my wife, and think of the doctor's wife-how blue her hands were from the cold water-would you believe it, I forget myself and stand senseless like a fool, until the sacristan calls to me. . . .	Во время обедни, знаете, выглянешь из алтаря, да как увидишь свою публику, голодного Авраамия и попадью, да как вспомнишь про докторшу, как у нее от холодной воды руки посинели, то, верите ли, забудешься и стоишь, как дурак, в бесчувствии, пока пономарь не окликнет...
It's awful!"	Ужас!
Father Yakov began walking about again.	Отец Яков опять заходил.
"Lord Jesus!" he said, waving his hands, "holy Saints!	- Господи Иисусе! - замахал он руками. - Святые угодники!
I can't officiate properly. . . .	И служить даже не могу...
Here you talk to me about the school, and I sit like a dummy and don't understand a word, and think of nothing but food. . . .	Вы вот про школу мне говорите, а я, как истукан, ничего не понимаю и только об еде думаю...
Even before the altar. . . .	Даже перед престолом...
But . . . what am I doing?" Father Yakov pulled himself up suddenly.	Впрочем... что же это я? - спохватился отец Яков.
"You want to go out.	- Вам уезжать нужно.
Forgive me, I meant nothing. . . . Excuse . . ."	Простите-с, я ведь это так... извините...
Kunin shook hands with Father Yakov without speaking, saw him into the hall, and going back into his study, stood at the window.	Кунин молча пожал руку отца Якова, проводил его до передней и, вернувшись в свой кабинет, остановился перед окном.
He saw Father Yakov go out of the house, pull his wide-brimmed rusty-looking hat over his eyes, and slowly, bowing his head, as though ashamed of his outburst, walk along the road.	Он видел, как отец Яков вышел из дому, нахлобучил на голову свою широкополую ржавую шляпу и тихо, понутив голову, точно стыдясь своей откровенности, пошел по дороге.
"I don't see his horse," thought Kunin.	"А его лошади не видно", - подумал Кунин.
Kunin did not dare to think that the priest had come on foot every day to see him; it was five or six miles to Sinkino, and the mud on the road was impassable.	Помыслить, что священник все эти дни ходил к нему пешком, Кунин боялся: до Синькова было семь-восемь верст, а грязь на дороге стояла невылазная.

Further on he saw the coachman Andrey and the boy Paramon, jumping over the puddles and splashing Father Yakov with mud, run up to him for his blessing.	Далее Кунин видел, как кучер Андрей и мальчик Парамон, прыгая через лужи и обрызгивая отца Якова грязью, подбежали к нему под благословение.
Father Yakov took off his hat and slowly blessed Andrey, then blessed the boy and stroked his head.	Отец Яков снял шляпу и медленно благословил Андрея, потом благословил и погладил по голове мальчика.
Kunin passed his hand over his eyes, and it seemed to him that his hand was moist.	Кунин провел рукой по глазам, и ему показалось, что рука его от этого стала мокрой.
He walked away from the window and with dim eyes looked round the room in which he still seemed to hear the timid droning voice.	Он отошел от окна и мутными глазами обвел комнату, в которой ему еще слышался робкий, придушенный голос...
He glanced at the table.	Он взглянул на стол...
Luckily, Father Yakov, in his haste, had forgotten to	К счастью, отец Яков забыл второпях взять с собой

take the sermons.	его проповеди...
Kunin rushed up to them, tore them into pieces, and with loathing thrust them under the table.	Кунин подскочил к ним, изорвал их в клочки и с отвращением швырнул под стол.
"And I did not know!" he moaned, sinking on to the sofa.	- И я не знал! - простонал он, падая на софу.
"After being here over a year as member of the Rural Board, Honorary Justice of the Peace, member of the School Committee!	- Я, который уже более года служу здесь неперменным членом, почетным мировым судьей, членом училищного совета!
Blind puppet, egregious idiot!	Слепая кукла, фат!
I must make haste and help them, I must make haste!"	Скорей к ним на помощь! Скорей!
He turned from side to side uneasily, pressed his temples and racked his brains.	Он мучительно ворочался, стискивал виски и напрягал свой ум.
"On the twentieth I shall get my salary, two hundred roubles. . . .	- Получу 20-го числа жалованья 200 рублей...
On some good pretext I will give him some, and some to the doctor's wife. . . .	Под благовидным предлогом суну и ему и докторше...
I will ask them to perform a special service here, and will get up an illness for the doctor. . . .	Его позову молебен служить, а для доктора фиктивно заболею...
In that way I shan't wound their pride.	Таким образом, не оскорблю их гордости.
And I'll help Father Avraamy too"	И Авраамия помогу...
He reckoned his money on his fingers, and was afraid to own to himself that those two hundred roubles would hardly be enough for him to pay his steward, his servants, the peasant who brought the meat. . . .	Он рассчитывал по пальцам свои деньги и боялся себе сознаться, что этих двухсот рублей едва хватит ему, чтобы заплатить управляющему, прислуге, тому мужику, который привозит мясо...
He could not help remembering the recent past when he was senselessly squandering his father's fortune, when as a puppy of twenty he had given expensive fans to prostitutes, had paid ten roubles a day to Kuzma, his cab-driver, and in his vanity had made presents to actresses.	Поневоле пришлось вспомнить то недалекое прошлое, когда неразумно проживалось отцовское добро, когда, будучи еще двадцатилетним молокососом, он дарил проституткам дорогие веера, платил извозчику Кузьме по десяти рублей в день, подносил из тщеславия актрисам подарки.

Oh, how useful those wasted rouble, three-rouble, ten-rouble notes would have been now!	Ах, как быгодились теперь все эти разбросанные рубли, трехрублевики, десятки!
"Father Avraamy lives on three roubles a month!" thought Kunin.	"Отец Авраамий проедает в месяц только три рубля, - думал Кунин.
"For a rouble the priest's wife could get herself a chemise, and the doctor's wife could hire a washerwoman.	- За рубль попадаья может себе сорочку сшить, а докторша прачку нанять.
But I'll help them, anyway!	Но я все-таки помогу!
I must help them."	Обязательно помогу!"
Here Kunin suddenly recalled the private information he had sent to the bishop, and he writhed as from a sudden draught of cold air.	Тут вдруг Кунин вспомнил донос, который написал он архиерею, и его всего скорчило, как от невзначай налетевшего холода.
This remembrance filled him with overwhelming shame before his inner self and before the unseen truth.	Это воспоминание наполнило всю его душу чувством гнетущего стыда перед самим собой и перед невидимой правдой...
So had begun and had ended a sincere effort to be of public service on the part of a well-intentioned but unreflecting and over-comfortable person.	Так началась и завершилась искренняя потуга к полезной деятельности одного из благонамеренных, но чересчур сытых и не рассуждающих людей.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)